

Александр Самойленко

ЗАБАВЫ ДЕДА МАТВЕЯ

Александр Самойленко
Забавы деда Матвея.
Сборник рассказов, повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878837

ISBN 9785448509216

Аннотация

Книга «Забавы деда Матвея» – это невыдуманные рассказы о бытии, любви и смысле жизни, повесть «Падение» – история из жизни агента иностранной разведки.

Содержание

Забавы деда Матвея	5
Вот такая, блин, история...	22
Последняя встреча	29
Кровавая Мери	43
Проездом	69
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Забавы деда Матвея

Сборник рассказов, повесть

Александр Самойленко

© Александр Самойленко, 2017

ISBN 978-5-4485-0921-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Забавы деда Матвея

В небольшом поселке железнодорожников дед Матвей был старожилом. Два десятка лет назад он вышел на пенсию с должности путевого обходчика, и теперь мирно доживал свой век с женой Прасковьей Ивановной и черноухим Трезором в потемневшей от времени, но еще крепкой избе, построенной на отшибе, возле полноводной и быстрой реки Белой. Местность для богачей была привлекательной, и в начале двухтысячных годов они потянулись сюда на жительство...

По давней привычке дед Матвей спал за женой, у голой бревенчатой стены. Вставал всегда рано и, боясь потревожить супругу, осторожно перебирался через нее на пол. Потом надолго замирал у окна, наблюдая за жизнью улицы и примечая всякую мелочь.

Однажды в начале июня на улице появился «мерседес» и, сопровождаемый облаком пыли, остановился около их изгороди. Дед в панике бросился от окна к кровати и закричал:

– Приехал! Приехал!..

Прасковья Ивановна в ужасе вскочила, и они вместе суетливо забежали по избе. Понадобилось какое-то время, пока бабка первой не пришла в себя:

– Кто приехал-то, старый? – остановившись посреди избы,

сердито спросила она.

– Богатей пожаловал к нам... – просипел дед Матвей.

Бабка подтолкнула растерявшегося старика к вешалке. Натянув на себя первое, что попало под руку, они, мешая друг другу, выбрались через высокий порог в сени. Там дед трясущейся рукой долго не мог открыть дверь, и когда это ему удалось, старики вышли на улицу, встретить незваного гостя.

Упитанный, с обозначившимся животиком молодой господин, щурясь на яркие лучи, ходил по заросшему крапивой и лопухами двору, не обращая внимания на появившихся хозяев и грозное ворчание Трезора. Он деловито осмотрел постройки, заглянув в сарай и хлев. Брезгливо сморщился, открывая дверь облепленного мухами ветхого туалета. Сходил к огороду, и только тогда остановил взгляд на стариках:

– Здорово, хозяйева, – ухмыляясь, сказал он.

Прасковья Ивановна обиженно поджала губы:

– Что ж ты, милоч, будто супостат какой, безо всякого разрешения шастаешь по двору? Иди-ка, сыночек, своей дорогой, не тревожь старых людей.

Упитанный господин в ответ громко и весело заржал. Старики испуганно переглянулись, Трезор взвыл и, выскочив со двора, зашелся лаем, удирая по пыльной дороге к речке.

– Дом с земельным участком я у вас покупаю, прикладывая дорогой платок к выступившим от смеха слезам, – нагло сообщил он.

У хозяина клацнули протезные челюсти. С трудом обуздав разгулявшиеся нервы, дед постарался достойно ему ответить.

– Тебе никто не продает, – заикаясь, выговорил он. – Мы с бабкой, слава Богу, живы еще. Так что уйди из нашего двора с миром...

– А это, дед, ничего не меняет. Вопрос решен. Сегодня не продаешь, так завтра продашь. Бульдозер твою рухлядь начнет утюжить – сам прибежишь.

Господин подошел к калитке, пнул ее и, повернувшись к старикам, пообещал скорого свидания...

Дед Матвей и Прасковья Ивановна не сразу ушли с крыльца. Вернувшийся Трезор виновато примостился у их ног. Дед с досады незлобиво на него ругнулся и, проворчав что-то себе под нос, вдруг захохотал, пугая нервными вскриками бабку.

– Ты, Прасковья, почувяла, какой от него смрад пошел, когда платок-от достал из штанов?.. – сквозь хохот злорадно спросил он. – Тьфу! Солидол лучше пахнет.

– А как же, почувяла. Заграничным одеколоном, кажись, нафуфырился. Хорошо, знать, живет. Ишь какой гладкий да ухоженный, паразит...

Старики еще долго издевались над незванным гостем, бесцеремонно вторгшимся в их размеренную жизнь, мстя за свой страх и беспомощность, пока ближе к обеду постепенно не стихло их пораненное самолюбие, после чего они

занялись обычными стариковскими делами.

Со дня появления богача прошла неделя. Дед с бабкой начали забывать о неприятном визите, но тут молодой господин напомнил о себе, и его угрозы начали воплощаться в жизнь, преподнося старикам тяжелые испытания...

Трейлер, едва не задев изгородь, однажды утром протачил мимо двора стариков бульдозер и остановился рядом, на большом пустыре. Скоро бульдозер заработал, глуша вокруг все остальные звуки. Старая изба задрожала, а вместе с ней затряслись и ее хозяева. Приложив скрюченную ладонь ко рту, дед испуганно прокричал на ухо бабке:

– Параша! К властям беги. Управу искать на них надобно...

Второпях накинув светлый платок, старуха, переваливаясь с боку на бок на больных ногах, послушно заторопилась к центру поселка. А дед Матвей, в целях обороны взяв из сарая затянутые паутиной вилы, выдвинулся к огороду, откуда хорошо просматривалась ставшая в одночасье вражеской территория пустыря.

Бульдозерист тем временем со знанием дела утюжил техникой землю. Бульдозер сносил бугры, лихо крутился на месте, засыпая канавы и ямы. Дед с опаской понаблюдал за его работой и, немного успокоившись, вернулся во двор. Но как оказалось – напрасно... Через пару минут дед Матвей услышал, что рокот мотора приближается к дому, и он, снова взяв

вилы, поспешил навстречу.

Сметая изгородь, подминая гусеницами смородиновые кусты и малину, на земле старика уже всю бесчинствовала стальная машина. Хватаясь одной рукой за сердце, а другой махая вилами, дед отчаянно пошел на грозную технику. Когда между ними осталось всего два-три метра, бульдозер остановился. Угрожающе взревел мотор, и, пугая, несколько раз поднялась и опустилась тяжелая лопата. Но старик не отступил. Хотя и поджилки тряслись от страха, он встал в двух шагах от бульдозера, поднял вилы вверх и, приняв воинственный вид, показал трактористу решимость защищать собственную усадьбу, чего бы это ему ни стоило.

Старик не увидел, как на дороге появилась Прасковья Ивановна. Бабка, не переставая всплескивать руками и что-то кричать, выбиваясь из сил, спешила к нему на помощь. Она не сумела преодолеть несколько метров, запнулась, вскрикнула высоко, по-бабьи, и ничком ткнулась в грядку. Из кабины бульдозера тотчас показался лохматый мужик и, размахивая монтировкой, заорал на стариков, сдабривая ругань разными блатными и незнакомыми хозяевам огорода фразами. В ответ дед молча помахал над головой вилами...

Противостояние этим пока что закончилось. Тракторист, так же безбожно матерясь, скрылся в кабине. Бульдозер, выпустив ядовитое облачко дыма, резко подался назад, а потом, развернувшись, уехал в конец пустыря. Дед Матвей, проводив его взглядом, помог бабке подняться.

– Никто, Матвеюшка, там меня и слушать не захотел, – жалуясь, запричитала она. – Отмахнулись. Глава сказал – по-новому жить начинаем. Дескать, ежели тут у нас до рукоприкладства дойдет, посулил тогда милиционера прислать. Видно, потешилась власть над старухой, Матвеюшка. Неоткуда нам теперь помощи ждать...

Дед неумело успокаивал жену, гладил ее шершавой ладонью по голове. У него самого навернулись на глаза слезы. Они проторчали на огороде до самого вечера и ушли, когда убедились, что тракторист оставил технику и убрался с пустыря совсем.

Проснувшись глубокой ночью, он сдерживая дыхание, начал перебираться через старуху.

– Ты куда это, старый? – спросила Прасковья Ивановна не открывая глаз.

По-видимому, она еще не засыпала.

– Спи, Параша. Мне что-то никак сон не идет. Пойду до ветру схожу и заодно свежим воздухом дыхну малость.

Бабка поворчала невнятно и замолчала. Вероятно, опять погрузилась в невеселые мысли. Старик оделся и, сунув босые ноги в калоши, торопливо пошел в сарай, где в кромешной тьме, на ощупь, позвякивая металлом, перебрал скопившееся за долгие годы барахло. Отыскав нужные железяки, он положил их в большую кошелку и, стараясь не шуметь, пошел со двора.

По пустырю передвигался, соблюдая осторожность.

Несколько раз останавливался, напрягал слух и вглядывался в кусты. Подойдя к бульдозеру, немного постоял и обошел вокруг него дважды. Потом он потрогал еще не до конца остывший капот, и только тогда взялся за опасное дело...

Старик слишком долго копался в двигателе, поочередно вынимая из кошелки ключи. У него, как назло, ничего не получалось, и в конце концов, чтобы достичь желаемого результата, он решил поступить иначе... Открутив пробку маслозаливного отверстия, глубоко, до упора, засунул внутрь монтировку и теперь, вполне удовлетворенный работой, облегченно вздохнув, спустился на землю. На полдороге к дому наткнулся на трясущуюся от прохлады и жуткого страха бабку и, ни слова ей не говоря, мягко подталкивая в сторбившуюся спину, увел во двор. В избе он немедля улегся в кровать и мгновенно заснул, уверенный в своей правоте...

Утром следующего дня старик, затаившись у изгороди, с волнением наблюдал в свой трофейный бинокль за пересекающим пустырь трактористом. Вот тракторист неторопливо подошел к своему желто-оранжевому бульдозеру, хозяйски окинул его взглядом и забрался в кабину. Затем оглушительно застрекотал пускач, а спустя несколько секунд ровно заработал двигатель. Наступал самый острый момент в совершаемой дедом мести, ради чего он прошлой ночью и ходил на пустырь...

Бульдозер дернулся вперед, и одновременно с этим рывком в чреве мотора раздался жуткий треск. Мотор заглох,

и не менее жуткая тишина, сохранявшаяся довольно долго, повисла над пустырем. Потом медленно приоткрылась дверца кабины и на гусеницу ступил обалдевший от случившегося тракторист. Он сделал несколько шагов по тракам, открыл капот и, покачнувшись, едва не свалился на землю. По-видимому, сначала он приходил в себя, потому что стоял и не двигался. После тракторист резво подскочил к кабине, выхватил из-под сиденья ломик и, спрыгнув на землю, помчался ко двору старика, размахивая ломиком легко, будто хворостиной...

Дед Матвей, увидев несущееся к нему лохматое и разгневанное чудовище, не на шутку струхнул и поспешил убраться из ненадежного укрытия в избу. Скоро он услышал первые удары лома по ограде и вслед за бабкой стал усердно молиться Богу...

– Убью-у-у-у! – протяжно орал тракторист, ломая доски ограды. – В порошок сотру вместе с халупой, мудака! У-у-у, старый осел! Кто детей моих накормит? Ты, что ли?..

Разъяренный механизатор добрался-таки до входных дверей в избу, до того разгромив почти половину сеней,

– Открывай, старый! – повторял он, пытаясь острым концом лома поддеть доску и сломать последнее для него препятствие.

Но старая, полвека назад добротной изготовленная из кедровых плах дверь не поддавалась. Тракторист, в бессильной злобе ударив по ней несколько раз, выбежал на улицу. И воз-

вращаясь на пустырь, швырнул ломик в окно. К счастью, старики молились в дальнем углу и осколки стекол их не заделали... До ночи потом бабка корила деда Матвея, а тот слабо возражал и изредка ей огрызался.

Диверсия, удачно проведенная стариком, подтолкнула молодого богача к активным действиям. На другой день после поломки трактора пустырь был заполонен строительной техникой разнообразного назначения. Мимо двора деда Матвея засновали многотонные самосвалы, груженные гравием, песком и железобетонными плитами. Работа кипела весь день, не прекращалась она и ночью. Прошли всего сутки, и дед Матвей, выйдя на улицу, не поверил своим глазам: вместо изгороди по одной из сторон огорода, в ниточку, ровно стояло бетонное ограждение. А его грядок не было! Только кое-где торчали из израненной тяжелыми гусеницами земли смятые перья лука.

– Эх-ма... лук-то... какой хороший был, – с горечью несколько раз вслух произнес дед.

Сзади к нему подошла бабка:

– За что же нам это, Матвей? Зачем ты их так прогневил? – тихо спросила она.

– Цыц, окаянная! Не терзай мою душу! Все одно они бы по-своему сделали. Хоть и пострадали мы, но зато удовлетворение малость позавчера было, а дальше, как говорится, еще поживем – увидим...

Стариков заметили. В их сторону со стройплощадки за-спешил высокий молодой человек. Он издалека поздоровался с ними и широко, по-хорошему, улыбнулся:

– Здорово живете, хозяйева!

Старики с напряженным вниманием ждали его приближения и здороваться не собирались.

– Здравствуйте, хозяйева, – веселым голосом повторил молодой человек. И не обращая внимания на их сумрачные лица, с ходу затараторил: – Мы тут поставили бетонные блоки. Над ними пойдет высокий забор. Дом и надворные постройки, не бойтесь, не тронем. Я убедил заказчика, что ландшафт это не портит. Из-за забора вашу развалюху не видать будет...

Считая разговор законченным, он побежал к работающему автокрану, на ходу подавая крановщику знаки, махая вверх руками. Дед Матвей с бабкой Прасковьей, постояв еще немного, пошли восвояси домой. Дома дед занял свое место возле окна. Сунул в рот сигарету и трясущимися руками не сразу зажег спичку.

– Смириться бы надо, Матвей, – осторожно заговорила с ним Прасковья Ивановна. – Плетью обуха не перешибешь. Слава богу, в избе остались. Ничего не поделаешь, время уж такое, видать, настало...

Дед Матвей поперхнулся дымом и грубо оборвал жену, может быть, впервые за долгую совместную жизнь:

– Время, говоришь?! Хапуги они и бандиты. Судить их

надо. Награбили, а теперь все и всех покупают. Купцами, погляди ты, и заводчиками заделались... Вот объясни мне, Прасковья, откуда у этого сопляка пузатого капитал взялся? Что? Наследство из Америки привалило? А хрен ему!.. На крови его богатство замешано. Меченый волю таким, как он, дал и послал на грабеж. Вот тебе и время другое пошло. Проморгали. Допустили болтуна к власти верховной, отпустил он вожжи, и страдает теперича честный народ. Прежде всего душой страдает. У большинства людей вся жизнь как коту под хвост, оказалась прожита зря. То, что теперь в магазинах всякая жратва и тряпки есть – это не главное. Все равно нам купить не на что. Посмотри-ка, жизнь какая похабная стала и ненадежность во всем – вот то самое, что мы в этом новом времени получили, взамен нормального общественного порядка...

Старик, прервавшись, трясущейся рукой поднес окурок к губам. Курнул несколько раз подряд и продолжил:

– Ну ничего, как-нибудь, бабка. Положись на меня, покуда я живой. Пережили мы с тобой после Отечественной войны голод, переживем и изобилие...

Он, выговорившись, ткнул потухшую «приму» и пепельницу, прикурил другую сигарету и вдруг, вскочив с табурета, взволнованно заходил по избе. Бабка предпочла мужу не перечить и, подальше от греха, опасаясь попасть ему под горячую руку, забралась на кровать. Ходьба деда продолжалась, однако, недолго. Скоро он выдохся и, усталый, не раздев-

шись, лег рядом с ней, пугая ее своим необычным поведением... А ночью случился с ним жар, и к утру, разболевшись, дед Матвей уже не поднялся...

Долгих три месяца Прасковья Ивановна выхаживала мужа, и смерть наконец отступила. В начале бабьего лета дед Матвей, опираясь на еловую палку и поддерживаемый бабкой, еле держась на слабых ногах, вышел на улицу. Почти вплотную ко двору стариков стоял каменный дом.

– Ба-а-а-а, – только и смог проговорить он. Постоял, о чем-то подумал и, сильно качнувшись, с недоумением в глазах повернулся к Прасковье: – Это что? Мне случаем не пригрезилось?

– Нет, Матвеюшка, не пригрезилось. Ты все, дорогой, проболел. Как на дрожжах, не по дням, а по часам, все одно что в сказке, дворец поднимался. Отсюда нам верхушка видна. Забор больно высок поставили, под стать дворцу...

Рассмотрев башенки по бокам крыши, старик перевел взгляд на забор и отметил, что он очень хорош. Доски дуба, искусно обработанные рукой толкового мастера, рассчитаны были не на один десяток лет, дерево так и отдавало крепостью. Вырезанные на досках фигурки зверей, людей и птиц создавали единую картину. Не удержавшись, он подошел к забору, погладил лакированное дерево и, не находя слов, лишь протянул:

– Н-да-а-а-а...

Прасковья Ивановна в тон ему несколько раз тяжело вздохнула...

Осень незаметно для стариков быстро перешла в зиму. Наступившие холода они пережили в тепле, занимаясь сильными старческими делами. В соседские хоромы за всю зиму только раз или два, вслед за бульдозером, по освобожденной от снега дороге проезжал джип молодого хозяина.

Оживление у богатых людей наступило в начале мая. К дворцу потянулись фургоны с вещами, мебелью, стали приезжать иностранные легковые машины. В связи с этим движением деду однажды пришла в голову идея, и он не откладывая проковылял в сарай. Достал из фибрового чемодана давно позабытую ручную дрель, приладил к ней сверло большого диаметра и направился вдоль соседского забора осуществлять замысел. Точно рассчитав расстояние, старик остановился напротив дворца и, присев на корточки, начал высверливать в доске отверстие. Справившись, прикинул глазом к дыре и с жадностью стал наблюдать за чужой территорией. Из дома часто выбегала одна и та же женщина. Она выносила и выбивала пыль из вещей, тащила их обратно, выносила новые. Он, вдоволь насмотревшись на нее, поднялся с колен. В это время Прасковья Ивановна позвала его обедать.

Вечером этого дня к дворцу подъехали две машины. Шум, гам и громкая музыка подхлестнули деда Матвея, и он, не мешкая, заторопился к заветному месту. Прошло более

получаса, и все это время Прасковья Ивановна с любопытством следила за дедом из-за сарая. Только однажды он на минуту отвернулся от забора, разминая затекшую шею, помотал из стороны в сторону головой и снова прилип к дырке. Казалось, ничто не оторвет его от увлекательного занятия.

– Матвей! Что там? – не выдержав, спросила бабка.

Дед, не оборачиваясь, раздраженно махнул рукой.

– Что ты такое увидел, старый?! – прикрикнула Прасковья Ивановна. – Прилип, окаянный, к забору, что ли?

Дед Матвей еще несколько минут испытывал ее терпение, потом повернулся. Глаза у него светились лукавством.

– Ну?! – грозно наступала бабка.

Дед неохотно поднялся и, отчего-то пригибаясь к земле, подошел к супруге.

– В чем мать родила бегают по двору, – шепотом доложил он жене, смеясь беззвучно.

– Это как так? – не поверила она.

– Ей богу, голяком... Вот как есть. Без единой нитки на теле бегают. По приезду, наверное, сразу в баню подались. И мужики, и девки выскакивают и сообща в воду плашмя – бултых... У них там посреди лужайки прудок какой-то есть. Иди-ка, глянь, Параша. В дырку будто на ладони видеть.

Прасковья Ивановна поплевала возле себя.

– Тьфу, тьфу, бесстыжие! Срам один, и чего ты, старый,

столько времени глаза пялил на этот вертеп...

Она еще поплевалась и, оставив пристыженного деда, ушла.

...Никак не могла Прасковья Ивановна смириться с таким увлечением супруга. Но как-то, в разгар лета, к соседу приехала свадьба, и она, не удержавшись, сама заняла место у отверстия. В него хорошо было видно богатого соседа в роли жениха и его избранницу.

– Молоденькая какая. Красивая, – сказала Прасковья про невесту.

Дед, посмотрев, согласился. Старики по очереди, с удивлением понаблюдали за начавшейся свадьбой.

– Ишь ты! Никак не ожидал от нынешней молодежи... У нас с тобой, Прасковья, такого и в помине не было, – сказал дед Матвей, удивившись, что свадьба идет, соблюдая все каноны старинного обряда...

* * *

Молодые и их прислуга стали проживать во дворце постоянно. Красавица-жена молодого богача в погожие дни проводила время на лужайке. Раскачиваясь в кресле в тени большого зонта, она беззаботно жевала конфеты и раскидывала яркие обертки по сторонам, и те, уносимые ветром, разлетались по всей поляне, давая дополнительную работу прислуге. В общем, жизнь у соседей деда Матвея в дневное вре-

мя протекала скучно и тихо и оживлялась лишь поздно вечером, когда приезжал нетрезвый хозяин. Вокруг него тогда сломя голову хлопотали, суетились домочадцы и гурьбой провожали в баню...

Ближе к осени дед все реже подходил к забору, а потом прекратил и вовсе: глазеть в соседском дворе было не на что. И вот однажды необъяснимое чувство толкнуло его к дыре. Увидев возле дворца соседа нескольких мужчин и женщин, одетых в черное, он бегом кинулся в избу:

– Никак у соседей беда какая стряслась, в трауре по двору ходят... – взволнованно сообщил он бабке.

Прасковья Ивановна отправилась к забору и, заглянув в дырку, заохала:

– Ой-я-я-я! С молодым хозяином, Матвеюшка, чевой-то приключилось. Жена на лужайке стоит черным шарфом повязанная...

Бабка оказалась права. Молодого хозяина большого дворца с башенками не стало. Его чуть позже, в тот же день, с простреленной головой провезли мимо избы стариков. И трое суток приходили и уходили из дворца две богомольные старушки из местных. Они отпевали покойника.

В день похорон дед Матвей и Прасковья Ивановна боязливо прошли в широкие ворота соседей и встали в толпе солидных, в большинстве молодых, людей. Гроб с телом покойного вынесли и поставили на покрытый черным барха-

том стол. Все по очереди стали обходить вокруг гроба, прощаться. Обошли вокруг гроба и старики-соседи. В последний момент перед выносом гроба с телом покойного со двора на улицу вдова, до сих пор молчавшая, взвыла и бросилась плашмя на супруга. Ее рука нырнула под покрывало и стянула обручальное кольцо с пальца покойного... На эту прощальную сценку едва ли кто из господ обратил внимание...

Вернувшись в избу, дед и бабка сели друг против друга за стол.

– Видала? – спросил Матвей, глядя в родное лицо жены.

– Видела, – горестно вздохнув, ответила бабка Прасковья. – Проворная...

Старики в день похорон, теперь уже бывшего хозяина дворца, сидели допоздна. Молчали, тихо беседовали, размышляя вслух о превратностях человеческой жизни.

Вот такая, блин, история...

По случаю приезда колхозного диспетчера Григория Воробьева из отпуска мужики договорились выпить. Ближе к обеду сходили в магазин. Подождали, чтоб опустела контора, и втроем зашли в диспетчерскую.

– Все ушли на обед? – на всякий случай спросил Григорий своего закадычного дружка Жорку и выразительно посмотрел на дощатую стену, за которой в соседнем помещении в дневную смену работали телефонистки.

– Все, – заверил Жорка.

Григорий достал из пакета две бутылки водки, Николай принялся нарезать колбасу, а Жорка, тихо матерясь, начал открывать плоскогубцами трехлитровую банку соленых огурцов. Скоро общими стараниями стол был накрыт, и когда Григорий налил по полстакана каждому, Никола встал.

– Ну, за приезд, что ли, Гриша? Как там, на курорте-то? Счас опрокинем, дак уж Расскажи друзьям про Черное море. Небось, есть чего...

– Гы-гы-гы, – двусмысленно гоготнул Жорка.

Бесшумно чокнувшись пластиковыми стаканами, они наконец выпили и с сосредоточенным видом плотно на первый раз закусили колбасой и хлебом. Потом повторили и, уже не закусывая, закурили. Никола подошел к окну открыть форточку, но застрял возле него, всматриваясь во что-то

происходящее на улице.

– Что там, Никола? – вяло поинтересовался Григорий.

– Да Афонин пес мясо жрет. Больно чудно у него получается. Видать, не идет уже, а он все равно жрет.

– Так Афоня ее один раз в год и кормит, только когда поросенка зарежет. У нее отродясь одни уши торчат, да еще шерсть клочьями в разные стороны, – вставил вездесущий Жорка.

Любопытствуя, Григорий, а с ним и Жорка тоже подошел к окну. Измученная голодом животина как раз в это время через силу заглотила большую кость неизвестного назначения. Затем она, тупо уставившись в снег, широко расставила лапы, немного постояла так, будто борясь сама с собой и в конце концов разинув до предела пасть, выблевала кость обратно на снег.

– Пошли, – громко сказал Григорий, – че смотреть? Не зашла она ей в брюхо, и все тут...

– Э-э-э, не скажи, – остановил его Жорка. – Щас такое увидишь...

Собака завалилась возле кости всего в нескольких сантиметрах от морды и ничего кроме ее, кажется, вокруг не видела. Прошла минута-другая, и она, тяжело приподнявшись, снова схватила злополучную кость, и потом та короткими рывками зашла в ее нутро. Собака победно икнула, и ее качнуло. Судя по ее движениям, она хотела уйти. Однако не смогла сдвинуться с места и тут же свалилась, а вслед

за этим судорожно потянулась.

– Ну, каково сучье племя, а? – по прошествии некоторого времени громко спросил Жорка.

Никола от удивления присвистнул. Григорий изумленно покачал головой:

– Ну и ну. Кость почти что с нее будет, и на-кась тебе... Ну и ну... Пошли-ка, мужики, за ее здоровье сейчас тяпнем. Кабы не сдохла.

Раз за разом мужики выпили по две меры за собаку, после снова за Гришкин приезд, и спустя полчаса изрядно захмелели.

– Я, мужики, как говорится, на всю катушку оттянулся, – начал было рассказывать Григорий про отпуск, но почему-то замолк.

– Давай, давай, выкладывай как на духу, – пробубнил Никола. – Баб у тебя там много было?

– Да-да, расскажи-ка про баб, – пьяно подхватил Жорка. – Сказывают, на югах они сами на нашего брата лезут.

– Ха-ха-ха! – что-то вспомнив, рассмеялся Григорий.

Мужики заинтересованно вытянули лица.

– Ну?! – не на шутку рассердившись, понукнул Никола дружка.

Григорий, оборвав смех, хвастливо задрал лицо к потолку:

– Я с одной, мужики, в поезде, еще когда туда ехал, схлестнулся. Стою, значит, курю себе в тамбуре, а она выходит с то-

ненькой такой сигаркой во рту – и ко мне. Дайте, мол, прикурить. Я дал, а она сразу: «А не скучно ли вам? И не можете ли вы составить мне компанию?..»

Григорий, прервавшись, опять засмеялся.

– Да не тяни ты резину, короче давай, – запсиховал Жорка. – Было что или нет?..

– Было, еще как было-то! – воскликнул Григорий. – Поезд идет, вагон качается, а мы с ней на нижней полке... Честно говоря, мужики, пока не приноровился, не очень мне поначалу нравилось. Но уж потом... Когда я понял, что к чему, и подстроился под вагон, тогда дело пошло, и, скажу вам, удовольствие я получал обалденное... Всю дорогу почти кувыркались мы с ней, до конечной станции.

– Бреешь ты, Гришка, – хмурясь, сказал Никола и, предупреждая возражения, вытянул в Гришкину сторону руку, словно пытаясь закрыть тому ненадолго рот. – Это что же получается, один, что ли, ты с ней в вагоне ехал?

Григорий, прежде чем ответить дружку, посмотрел на него снисходительно:

– Дурак ты, что ли, Никола? У меня же не хухры-мухры, билет-то ведь в купейный вагон был. А она, как баба самостоятельная и денег куры не клюют, арендовала у проводника служебное купе. Так что, Никола, не вру я. За весь вагон не скажу, наверно много народу было, а вот мы с милашкой одни в купе ехали.

Никола с сомнением покачал головой, но, ничего не ска-

зав, взялся разливать водку.

– Что-то я за тобой, Григорий, раньше такой прыти не знал, – заметил Жорка. – Не похоже, чтобы Наташка твоя ходила умиротворенная. Иной раз при встрече глянешь на нее и такую тоску в глазах отметишь, что самому неуютно делается.

Григорий, в один глоток осушив свой стакан, занюхал водку куском хлеба и проговорил доверительно:

– Да что Наташка?.. Деревенщина, да и только. Подумаешь – телефонистка. Посмотришь на нее вблизи – сразу все желание пропадает. Разжирела за нынешний год слишком. Вот дамочки там, на курорте, – самый смак. У меня сразу три их было, и со всеми я по-разному. Они, друг Жорка, такие приемчики знают!.. Ты б сам без усталости сутки напролет занимался бы этим делом с ними.

– Это, выходит, ты одновременно с тремя в постель ложился? – удивился Никола и, опять сомневаясь, снова покачал головой. – Ты же не... Ты ведь такой же, как и мы, пьяница, Гришка. Путевка тебе из райцентра, наверно, по ошибке досталась. Ничем ты не лучше других, передовик хренов!

Григорий, глядя на него, весело заулыбался:

– А ты че, Никола, злишься? Я не виноват, что меня в райцентре одного из колхоза выбрали... Ну конечно же, я не с тремя в один раз, а по очереди. Вот, к примеру, с Ленкой мы вместе в ванной мылись. В море уже никто не купался, холодно. Мы с ней нагуляемся по набережной – и в номер.

Разопьем шампанское – и в ванную. Тоже по первости плохо у нас получалось. Я и так, и сяк, а она выскользывает из-под меня, и все тут. Хорошо, она в таких делах уже опытная. Инициативу потом на себя взяла... Она, Ленка, из троих мне больше всех понравилась. Я у нее, уезжая домой, адресочек взял и, скажу я вам, всерьез надумал я разводиться со своей Наташкой, да к Ленке подамся в Сызрань. Наташка никак меня теперь не устраивает.

– И что ты, Гришка, об этом ей так просто и скажешь? Что, дескать, ты меня не устраиваешь и я поехал к другой? – ехидно заметил Жорка.

– А чего тут такого? Возьму и скажу.

– Ой ли?! – подзадоривая дружка, воскликнул Никола.

Григорий, раздухарившись, рванул на себе рубашку:

– Да не побоюсь я! Прямо сегодня, после работы, скажу, вот увидите!

Никола, ухмыльнувшись, подошел к деревянной стенке и в шутку легонько стукнул несколько раз, довольно тихо сказав при этом:

– Слышишь ли ты, Наташа?..

– Слышала. Все слышала, – неожиданно прозвучал из соседней комнаты слабый Наташкин голос и вслед раздался жалобный стон, а за ним сильный рев.

Мужики оцепенели, и Никола с Жоркой не сразу поняли, что к чему, когда обернулись на глухой стук позади себя...

Григорий с бледным, почти безжизненным лицом лежал

на полу.

– Удар, что ли, случился? – склонившись над ним, испуганно проговорил Никола.

– Сука... – вдруг громко прохрипел Григорий. – Почему ж ты, Наташка, на обед домой не ушла?!

* * *

Вечером, после работы, друзья с унылыми похмельными лицами провожали Гришку домой. За сотню шагов от его двора заметили лежащие в снегу, на обочине дороги, два узла. То были вещи Григория. Забрав их, он поплелся в диспетчерскую...

Последняя встреча

В обычный воскресный день, ближе к полудню, в дежурную часть городской милиции вошла миловидная, скромно одетая молодая женщина. В коридорах ОВД как раз наступило временное затишье. И дежурный с помощником, ослабленные, с расстегнутыми воротничками, сидели, откинувшись на спинки вращающихся кресел. Кроме них в комнате находился старший оперативной группы капитан Мохов.

– Мне нужно сделать заявление, – сказала посетительница растерянно.

Помощник дежурного, сержант, нехотя нагнулся к микрофону и лениво спросил:

– По какому вопросу? Что-то случилось? Говорите...

Женщина замялась. Мохов в это время профессиональным взглядом прошелся по ее лицу. «Не больше двадцати семи или восьми, – отметил он. – Лицо необычное. Странно, но на нем нет следов макияжа... Но и так – ничего. Даже красивое, только немного усталое».

– Говорите же! – раздраженно повторил сержант.

Тень испуга появилась, но тут же исчезла с лица женщины. Она быстро справилась с собой, и ее слова обрели уверенность:

– Мне надо самого главного начальника. Я ему изложу

суть своего вопроса.

Дежурный по ОВД очнулся от полудремы. Брови его поднялись вверх. Привстав, он смерил женщину удивленными глазами и нахамил:

– Нет у нас сегодня главных начальников. В море купаются. Мы и есть – самые главные. Если разговор сугубо личный, могу попросить капитана, чтобы поднялся с вами наверх...

Лицо посетительницы вспыхнуло, и Мохов поспешно вышел из дежурки, чтобы ее успокоить.

– Прошу вас не принимать его слова близко к сердцу. И пожалуйста, простите нас... Сегодня я отвечаю за работу оперативной группы, и поэтому можно меня считать самым главным.

Женщина недоверчиво посмотрела на капитана. Ее раскрасневшееся было лицо стало прежним. И немного подумав, она кивнула. Тогда Мохов жестом пригласил женщину подняться на второй этаж, где в середине длинного коридора находился его рабочий кабинет – начальника уголовного розыска.

– Прошу вас, присаживайтесь ближе к столу. И еще раз простите за грубость моих коллег, – сказал он, как только они вошли.

Посетительница на этот раз благодарно взглянула на него и села. Говорить она начала не сразу, а Мохов не торопился. Щелкнув зажигалкой, закурил у открытой форточки. Серо-голубые глаза женщины неодобрительно посмотрели

на дымящуюся сигарету. Капитан это заметил и, потушив ее, спросил несколько виноватым голосом:

– Что? Не переносите табачного дыма?

– Да. С некоторых пор не выношу ни табачного, ни спиртного запахов. Вы уж меня извините.

– Ничего-ничего. Я потерплю...

Мохов присел на свое место. Подождал несколько минут и, стараясь говорить мягко, тихо попросил:

– Доверьтесь мне и начинайте. Как видите, я не собираюсь записывать ваши слова. И по вашему желанию все, что мне будет от вас известно устно, я обещаю сохранить в тайне.

Женщина тяжело вздохнула и, потупив взгляд, начала:

– Я хочу узнать, где находится в настоящее время один человек, мужчина. Мой бывший любовник. Мы расстались с ним две недели назад при... – женщина, недоговорив, вдруг осеклась, и на глазах у нее заблестели слезы.

– Ну-ну, продолжайте, – участливо поддержал Мохов. – Кстати, назовите, пожалуйста, себя.

– Котлярова Ольга Ивановна. Имею малолетнюю дочь. За мужем, но на протяжении уже нескольких лет люблю другого, женатого мужчину...

Рассказ ее получился сбивчивым, долгим, но глубоким и страшным по содержанию. Начальник уголовного розыска капитан милиции Александр Мохов бесстрастно глядел на молодую, надломленную особу. И хотя не подавал вида, но переживал вместе с ней...

* * *

Иномарка пронеслась по улице и резко затормозила в тени пышной акации. Моложавый, высокого роста красавец мужчина нетерпеливо достал мобильный телефон и уверенно набрал номер. Ему быстро ответили, и он нежно проворковал несколько слов:

– Милая Оленька, здравствуй. Я вернулся, дорогая. Выходи на прежнее место. Целую и очень люблю...

Отключившись, мужчина довольно улыбнулся и задержал свой взгляд на кроне дерева, где, радуясь погожему дню, щебетала разнообразная птичья мелюзга, а затем включил передачу. Машина, бесшумно набирая скорость, скрылась за поворотом и спустя несколько минут была в условном месте. В этот момент, не заставляя себя ждать, с тротуара сошла стройная женщина.

– Оленька, за мной устраивайся, – не поворачивая головы, посоветовал мужчина, приоткрыв заднюю дверь.

Женщина быстро села, скрывшись от посторонних глаз за его широкими плечами. Немного погодя он виновато добавил:

– Оленька, ты бы чуть пригнулась, знакомых много в этот час бродит...

– Сереженька, я все поняла, трогай, – тихо ответила ему Ольга. Иномарка, резко взяв с места, понесла их за город.

Они промчались по шоссе километров пять и свернули на еле заметную колею. Заехав за ближайšie кусты, Сергей остановил машину, снял очки и, повернувшись, порывисто обнял любимую. Она села на переднее сиденье, и влюбленные двинулись дальше, на берег знаменитого в прошлом Сиваша.

Обнимая ее за талию, он без труда, одной левой управлял машиной. И вскоре круто повернул вправо, через сотню метров остановил ее в реденькой лесополосе на небольшой, поросшей степной травой полянке, почти на берегу пролива.

– Все, Олечка, приехали, – сообщил Сергей, выйдя наружу. – Сейчас посидим немного – и в воду. Как ты на это смотришь, а, Оленька?..

Он сделал несколько резких движений, разминая затекшее от долгого сидения за рулем мускулистое тело, и с улыбкой посмотрел на свою подругу.

– С удовольствием, Сережа, искупаюсь. Жарко сегодня, – улыбаясь ему в ответ, весело согласилась Ольга.

Она тотчас скинула с себя легкий сарафанчик и осталась в купальнике. И пока Сергей занимался машиной, вышла из лесополосы и подошла к воде. На Сиваше стоял полный штиль. Слабый, едва ощутимый ветерок постоянно менял направление. То приносил из степи дурмящий запах лаванды с полынью, то от сивашской воды – своеобразный запах целебной грязи и водорослей.

– Тебе здесь природа нравится? – слышался голос лю-

бимого из-за кустов.

– Да. Я здесь впервые. Мы обычно бывали в другой стороне. А тут так хорошо и тихо. И от города совсем недалеко.

Побултыхав ногами в теплой соленой воде, она вернулась к машине. Сергей расстилал на траве брезент. Ольга, подойдя сзади, прильнула к нему:

– Мне с тобой везде хорошо, Сереженька.

Он в ответ ласково провел руками по ее упругим бедрам.

Из большой сумки на брезент высыпалась разнообразная снедь, и он украсился ядовито-яркими консервными банками, бутылками с импортными размалеванными наклейками, спелыми фруктами. Обернувшись к растерянно наблюдавшей за ним Ольге, Сергей пригласил:

– А ты чего стоишь? Присаживайся и выбирай, что по душе...

– Сережа, зачем же столько?

– Надо, дорогая! Останется – не пропадет. Моя жизнь часто на колесах. А в дороге запас иметь никогда не мешает. Самому в случае чего закусить, или опять же угостить кого... Да ты не стой, присаживайся. Давай отметим мой вчерашний коммерческий успех.

Ольга присела, и Сергей, открыв бутылку шампанского, разлил вино по бокалам. Выпив, он протянул ей большую желто-красную грушу, а сам закурил.

– Разденься. Ты весь в поту, – сказала Ольга и нежно провела рукой по его мокрой спине.

– И то дело. Чего это я...

Сергей скинул рубашку, джинсы и сложил все под куст. Она встала и прошла по траве. Ее упругое тело тридцатилетней женщины красиво отливало бронзой. Он засмотрелся на Ольгу: взгляд его скользнул по высокой груди и ее стройным ногам. Она уже три года принадлежала ему и душой и телом, несмотря на то что у нее был муж. Взгляд Сергея с каждой минутой становился все откровеннее...

Она поняла его, и ответное чувство устремилось к возлюбленному. Они в одну и ту же секунду бросились друг к другу и, обнявшись, опустились на колени. Наконец она, оторвавшись от горячих губ любовника, легла на траву, увлекая его за собой. И потом они предавались любви долго, с неугасимой страстью...

Пресытившись, влюбленные в изнеможении откинулись на спину. Через некоторое время Ольга, сдерживая дыхание, с волнением заговорила:

– Я очень люблю тебя, Сереженька! Я живу только тобой и тоскую, когда тебя нет рядом. Каждое наше свидание – для меня это драма души. Радостная встреча. Несколько часов безумного счастья... И опять горечь очередного расставания. Если когда-нибудь ты вздумаешь не приходить совсем – мне этого будет не пережить.

– Что ты, любимая. Я навеки с тобой, – приподнявшись на локте и поцеловав ее в губы, заверил Сергей. – Я люблю тебя больше жизни. Выбрось нехорошие мысли из головы

и пойдём, родная, купаться.

Она счастливо рассмеялась. Вскочив и взявшись за руки, они побежали по раскаленному добела песку, перепрыгивая через невесть откуда появляющиеся на их пути камни. В воду зашли далеко, чтобы она была попрохладнее, и долго купались. Какое-то шальное веселье нашло на обоих. Дурачились, смеялись без конца. Просто так, без всякой причины.

Солнце стояло уже в зените. На небе – ни облачка, но вода хорошо спасала от зноя. Они почувствовали сильный голод и поспешили к закуске. Сергей налил себе водки, а ее бокал наполнил сухим вином.

– За тебя, Олечка, – сказал он, поднимая стопку.

– Нет, Сереженька, за тебя.

– Выпьем за нас! Чтобы всегда мы были вместе, – предложил Сергей, и это ее устроило.

– Оленька, как Толик твой поживает? – поинтересовался он, пережевывая копченую колбасу.

Ольга ответила не сразу. Лицо несколько омрачилось.

– Все так же, по-старому, – грустно посетовала она. – Зарабатывает гроши, грезит рыбалкой, с соседом иногда выпивает: тот тоже рыбак. Дочь по-прежнему любит, дочьрюю занимается. Этого у него не отнимешь. Только благодаря дочери мы с ним и общаемся. Когда остаемся вдвоем, нам совершенно не о чем говорить.

Сергей привлек Ольгу к себе:

– Потерпи еще немного. Скоро все по-другому будет. Я

жить без тебя тоже не могу, но не время пока... Машка моя почувяла что-то: скандалы закатывает, стала недавно деньги учитывать. Все равно нам с тобой, Оленька, придется уезжать отсюда. Не даст она жизни...

Ольгины глаза снова радостно заблестели. Растроганная, она не смогла сдержать счастливые слезы и еще крепче прижалась к его груди.

– Ты мне веришь? – тихо спросил он.

Она кивнула. Какое-то время влюбленные посидели молча. Потом он предложил искупаться... И все снова повторялось: они загорали, зарывались в горячий песок, немного выпивали, закусывали. Страстно, как и в начале встречи, любили друг друга и снова купались. К вечеру немного устали. И пора бы уже было собираться домой, но расставаться им не хотелось...

* * *

Сергей лениво смотрел на плохо различимую полосу противоположного берега. И у него неожиданно появилась идея:

– Пойдем-ка, Оленька, на тот берег сходим, – оживившись, предложил он. – Любопытно, что там? Есть ли живая душа?

Ольга недоверчиво посмотрела ему в глаза:

– Ты это серьезно? Вот так возьмем и пойдем?

– А почему бы и нет?!

– Я же, Сереженька, и плавать-то как надо не умею. Может, проплыву кое-как немного – и на дно топориком...

Она хотела что-то еще добавить, но Сергей, горячась, перебил ее:

– А тебе и не придется плыть. Я здесь места знаю, в детстве вдоль и поперек исходил Сиваш. Ты не смотри, что широко. Тут мелко. Выше пояса нигде не будет...

Увлеченный сумасбродной идеей, он резко вскочил с песка и, для убедительности, прошел несколько десятков метров по воде, удаляясь от берега. Ольга окончательно рассталась с полудремой и внимательно наблюдала за ним. Вернувшись на песок, Сергей встал на колени и с мольбой заглянул ей в глаза. Ольга отвернулась, и взгляд ее устремился вдаль, на неподвижную воду.

– Да ты чего, Оль? Если уж что-нибудь сверхъестественное произойдет, я-то рядом с тобой. У меня первый разряд по плаванию. Для меня-то лужа. И я клянусь своей жизнью, что доставлю тебя обратно на берег целой и невредимой...

Ольгины сомнения мгновенно рассеялись. Они быстро собрали на поляне вещи, продукты и отнесли ближе к машине, рассчитывая вернуться поздно.

Сергей и Ольга, взявшись за руки, шли к другому берегу, по щиколотку утопая в илистом, грязном дне. Вода и в самом деле оказалась Ольге по пояс. А в редких, самых глубоких местах поднималась чуть выше ее груди. Они дошли

почти до середины, и ничего вроде бы не предвещало беды, как тут...

Налетевший словно гром среди ясного неба ураган стал для них полной неожиданностью. Шквальный ветер погнал сначала крупную рябь, которая на глазах у испуганной Ольги стала превращаться в высокие волны. Черные тучи заполнили все небо. Страх погнал любовников дальше вперед, потом они пошли назад и наконец, пасуя перед стихией, встали. Через считанные минуты идти было просто некуда. Берега, скрываемые волнами, еще какое-то время виднелись, а потом совсем растворились в черноте южного позднего вечера и разбушевавшейся стихии. Тонны воды волокли за собой со дна грязь и смрад. Вода теперь дыбилась над их головами, кидая их будто щепки в разные стороны...

– Сережа! Что делать, Сережа?! – захлебываясь черной грязью и водорослей, соленой водой, истерично закричала Ольга.

Не зная, что предпринять, тот, вцепившись в запястье ее руки, подавленно молчал.

– Сереженька, я не умею плавать. Спаси-и-и! У меня дочь, ребенок еще. Спаси-и-и!

Внезапно он отбросил ее руку и что есть силы, сквозь свист ветра и грохот грозы, закричал со злобой:

– Дура ты! Обыкновенная блядь! У меня тоже ребенок есть! Спасайся, дура, сама!..

С этими словами он погреб от нее в сторону. На мгнове-

ние в толще воды мелькнули его поразительно белые подошвы и пропали...

Ужас сковал все ее тело. В этот момент она всецело покорила воле стихии, смирившись с неизбежным концом. Ее швыряло в стороны, поднимало на гребень волны и опускало на самое дно. Но внезапно мелькнувшее во мгле видение в образе дочери оживило ее обмякшее тело. И цепляясь за жизнь, мозг усиленно заработал. Уповая на Всевышнего, она удачно нырнула под очередной шквал воды и, выплевывая грязь, бешено закричала:

– Нет! Нет! Не дай мне погибнуть, Господи! Помоги мне! Господь мой, помоги выстоять! Ради ребенка помоги мне! Прости грехи мои тяжкие, Господи! Клянусь! Исправлю я грешную жизнь свою. До конца жизни молиться буду во славу твою, Господи...

Больше она ничего сказать не смогла, захлебнулась, закашлялась. Ее, опять обессилевшую, подхватила волна, легко подняла на свой гребень и с силой бросила на узкую полосу суши, видневшуюся из воды. Вода теперь перекачивалась через Ольгу, уже не причиняя ей вреда...

Не веря в свое спасение, Ольга в полуобморочном состоянии еще долго лежала, уткнувшись лицом в песок, а вокруг по-прежнему бушевало соленое озеро и оглушительно грохотало страшное черное небо. Потом она приподняла голову и увидела впереди мерцающий свет...

* * *

Сиваш был спокоен. Утлая лодчонка, мерно поскрипывая уключинами, везла двух рыбаков. Старик и пацан лет шести возвращались с уловом. Старик налегал на весла.

– Деда, деда! Смотри-ка, что-то черное плавает, закричал мальчик, показывая вправо.

Старик направил лодку в ту сторону и, сделав несколько сильных гребков, приблизился к черному, разбухшему трупу.

– Будь она неладна, такая находка, – в сердцах проговорил дед, глядя на испугавшегося внука. – Ты не дрейфь, Николка. Он безвредный. Ишь как рыбы обожрали бедолагу. С месяц, наверное, прошло, как плавает. Аккурат в то время буря прошла...

– Что делать-то будем, деда? – чуть не плача с испуга, спросил пацан.

– А ничего, Николка. Зачалим сейчас и к берегу подтащим.

Через некоторое время они продолжили свой путь. Сзади, взятый в веревочную петлю, волокся труп, источая зловоние.

– Мабудь, Сиваш не знал. В непогоду он страшен, с самого дна волну поднимает, – ворчал между гребками старик...

* * *

Женщина в темном платье на площади перед церковью кормит воркующих голубей, старательно разминая пальцами краюху черного хлеба. Рядом с ней, с восторгом глядя на воробьев, нахально отбирающих крошки хлеба у сизых птиц, стоит девочка...

Неожиданно раздался колокольный звон, и женщина, оставив свое занятие, истоиво начала креститься, устремив благодарный взгляд на возвышающийся над куполом православный крест. Дочь, согнав с лица улыбку, последовала ее примеру.

– Прости его душу грешную... – тихо шептала мать.

Кровавая Мери

Мария Сергеевна распахнула створки окна. Полной грудью вдохнула свежесть южного утра, потянулась и, не сдержав распирающих душу эмоций, весело рассмеялась. Большая яхта, виденная ею однажды в детстве, приснилась ей прошедшей ночью так отчетливо, как будто она видела ее только вчера. Еще тогда, в далеком прошлом, Мария загадала, что если когда-нибудь увидит наяву или во сне эту яхту во второй раз, то ей непременно повезет. Она станет счастливой и богатой...

Ее приятные воспоминания наверняка продолжались бы, но сзади, скользя по гладкому полу плюшевыми шлепанцами, крадучись подошел муж и прикоснулся к бедру, отчего Мария вздрогнула и нервно повела плечом:

– Когда ты научишься обращаться с женщинами, Эдик? Ведешь себя как призрак. Так и до смерти испугать можно! – рассердилась она.

– Не спиется, Машенька, – виновато пожаловался Эдуард. – Ты уж извини меня.

Мария, не оборачиваясь к мужу, жестом выразила недовольство:

– Не хандри, Эдик. Иди в свою комнату и постарайся заснуть. У тебя еще есть три часа времени. Успеешь до работы выспаться.

Эдик, с сожалением вздохнув, покорно удалился. Мария присела к зеркалу, сделала на лице несколько штрихов разной косметикой, и остатки сна улетучились. Ее снова потревожил муж. Но сейчас он не осмелился войти к ней в спальню, а, просунув в открытую дверь голову, тихо спросил оттуда:

– Машенька, можно у тебя поинтересоваться?

– Давай, – великодушно разрешила Мария. – Только говори короче. Мне некогда.

– А что с вашей Александрой Васильевной?

Мария подозрительно прищурила зеленые кошачьи глаза:

– То есть?!

– Ну, бывшая главная администраторша гостиницы куда теперь пойдет?

Мария азартно сложила из холеных пальцев клетку и, победоносно глядя на испуганную гримасу Эдика, пояснила:

– Сдала я ее ментам. И теперь вместо нее я! Делиться надо было с подчиненными, а она все себе... Жадность ее, Эдик, сгубила.

Муж, прикрыв за собой дверь, ушел. Маша оделась и через полчаса в элегантном летнем костюме спустилась в залитый горячим солнцем двор пятиэтажки...

В жаркий последний день июля Мария Сергеевна привычно гнала свою новую иномарку по извилистой горной дороге в город. Одержимая страстью – стать скорее супербогатой – она, заступив в прошлое лето на должность главного адми-

нистратора, сразу начала строить невероятные и жестокие планы. В последнее время состоятельные клиенты все чаще попадали под ее пристальное внимание. Деньги, принадлежащие им, порождали коварные замыслы, которые неизбежно должны были воплотиться в жизнь...

– Все, – решительно сказала она самой себе, – больше откладывать не буду. Сегодня непременно поговорю с Эдиком...

Маша погасила скорость. Иномарка свернула с трассы и, проехав по узкой бетонной дороге, остановилась возле обнесенного глухой стеной двухэтажного особняка.

Эдуард встретил жену за воротами, как будто ждал ее прихода. Тем не менее он сильно удивился:

– Что-то сегодня ты рано, милочка?

Мария с улыбкой повисла на его крепкой шее и нежно поцеловала в губы.

– Эдик, ты меня любишь?

– Ну конечно, милая, и ты это прекрасно знаешь. Я тебя безумно люблю!

Поведение жены было необычным, и он был обескуражен.

Мария захохотала. Эдуард в порыве крепко обнял жену и страстно поцеловал несколько раз смеющееся лицо.

– Эдик! Отпусти! Ты меня задушишь! Иди, дорогой, накрывай стол. У меня сегодня есть желание выпить...

Эдик, расслабленный и умиротворенный редкой лаской супруги, полудремал в глубоком кожаном кресле и слушал

неразборчивую попсу. Жена сидела напротив него на мягком диване.

– Эдуард, – ласково позвала она.

– Что, дорогая?

– Я нашла способ заработать хорошие деньги. Причем легко и абсолютно без риска.

Эдуард медленно повернул голову и посмотрел на жену:

– Разве тебе не хватает? У тебя и так немалый доход. Всего за один год какой коттедж отстроили.

Мария презрительно скривила губы:

– Я хочу очень много, Эдик. Ты хоть знаешь, сколько через нашу гостиницу толстосумов проходит?

– Ну и что? Нам-то какое дело до них?

Мария вскочила с дивана и нервно заходила по комнате:

– А то, что можно прибрать их криминальные бабки к рукам и никому за это дело не отстегивать! – крикнула она.

– То есть? – не понял Эдуард.

Он приподнялся с кресла и стал внимательно наблюдать за передвижениями супруги по замкнутому пространству. Ей все время мешала мебель. Мария иногда задевала ее и от боли ругалась, беззвучно шевеля губами.

– Да как же это, Машенька, – людей грабить? – наконец поняв смысл ее слов, растерянно произнес он.

Мария свернула к дивану и со вздохом села.

– Да разве это люди, Эдик? Большого ведь греха нет забрать ничтожную часть награбленного у какого-нибудь ма-

фиози. А чтоб потом нам самим не пострадать, то я думаю, стоит и самого мафиози прикончить. Чтоб, как говорится, концы в воду...

Еще в большей степени подавленный ее нечеловеческими доводами, Эдуард опустил голову. Мария не собиралась сдаваться и напористо заговорила, давя на его чувства:

– Ты знаешь – я выросла в нищете. Выйдя замуж за перспективного медика, думала: «Все. Теперь заживу хорошо...» Но времена изменились, началась чертова перестройка – и опять нищета, потому что мой муж растерялся и пожелал довольствоваться грошами. А его коллеги, те, что правильно демократию поняли, – нахапали и процветают сегодня... Наконец-то нам деньги в руки сами плывут, а он по-прежнему пускает слюни и упирается. Ты неудачник, Эдик! Слизняк! И я тебя брошу! Ты неплохо устроился за моей спиной! Страшно даже подумать, как бы мы жили на зарплату горничной, если б я карьеру не сделала...

Эдуард, теперь ко всему прочему еще и униженный любимой женой, продолжал молчать. Мария потянулась к столику, взяла бокал и залпом выпила вино. Она чем-то напоминала разъяренную тигрицу.

– И как это все будет выглядеть? – пролепетал Эдик.

Мария поставила обратно бокал и снисходительно улыбнулась:

– Ты ведь грамотный хирург, Эдик. Да и здоров как бык.

– Ну и что?

– Я уверена, Эдик: одного твоего удара будет достаточно. Ты, мой дорогой, прекрасно знаешь, в какое место лучше ударить, чтоб сразу наповал. А все остальное я возьму на себя... Богатенького клиента определю в свой номер. Потом его надо будет охмурить, и в ресторан. Там постараюсь накачать, ну и к морю... Только заранее обговорим, где ты будешь ждать... После всего морду ему разукрасишь, чтобы и родная мать не узнала. Сбрасываем в море – и все. Бабки со шмотками наши...

Мария Сергеевна, щелкнув перламутровой зажигалкой, закурила.

– Ну прямо как «Бриллиантовая рука». Ресторан «Плакучая ива», пьянка и... «пора освежиться», – мрачно пошутил Эдуард Николаевич.

– Ты не смейся! У нас все получится, – прикрикнула Мария. – Или, по-твоему, я не смогу завлечь богатенького донжуана?

Она с ходу раздавила в пепельнице начатую сигарету и взяла новую. Эдуард влюбленными глазами смотрел на ее красивое лицо. Мария встала и, наполнив бокалы, села к Эдику на колени...

* * *

Молодящийся толстяк, пыхтя и отдуваясь, шумно зашел в вестибюль гостиницы. Следом за ним появился таксист,

в руках у него была кожаная сумка клиента...

– Мест нет, – предупредила Мария Сергеевна приближающегося толстяка.

Вслед за этим она обворожительно ему улыбнулась и, коснувшись рукой головы, кокетливо поправила копну рыжих буйно растущих волос, тем самым оставив толстяку надежду.

– Прошу вас быть великодушной, Мария Сергеевна, – сдерживая дыхание, начал толстяк. – Так уж получилось, что мне не забронировали номер... И очень хотелось бы в этой непростой ситуации найти понимание лично у вас.

– К сожалению, ничем помочь не могу, мягко сказала Мария.

Она склонила голову, покопалась в бумагах и нерешительно молвила:

– Вот если только...

– Пожалуйста, – жалобно попросил толстяк.

– Ну хорошо, – после непродолжительной паузы нехотя согласилась Мария Сергеевна. – Пойдемте со мной. Я вас провожу в один номер. Это бронь Администрации Президента, то бишь самой Москвы. Так что понимаете – оформить вас я не могу. А в случае чего по моему требованию вы тотчас же молча от нас съезжаете...

– Да-да, конечно, – обрадовался толстяк и живо подхватил сумку.

Мария, проходя мимо, косым взглядом незаметно осмотрела одежду и обувь клиента.

«Я не ошиблась, – подумала она. – У этого кота есть с собой бабки. Он не приучен себе отказывать даже в мелочах...»

Они вместе поднялись на четырнадцатый этаж.

– Однако высоко, – заметил толстяк, выйдя из лифта.

– Да, но это не влияет на ваш комфорт, – подметила Мария. – На этаже есть ресторан и валютный бар. Вы можете заказать себе в номер изысканную еду и спиртное в любое время суток. Кроме того, вам не придется пользоваться общим лифтом. В номере есть лифт. Он в считанные секунды доставит вас вниз – и вы на берегу моря.

Толстяк причмокнул губами:

– Сдается, не зря мне посоветовали выбрать именно вашу гостиницу. Ведь в этом городе я впервые.

– Правильно посоветовали, – подхватила Мария. Она у нас еще не достигла европейского уровня, но среди наших курортных, несомненно, лидер как по комфорту, так и в сфере предоставляемых услуг.

– А что вы скажете, Мария Сергеевна, насчет частных гостиниц? И вообще, есть ли они в городе? Мне кажется – будущее в гостиничном бизнесе все-таки за ними.

Мария пожала плечами. Они уже подошли к двери номера и, отыскивая в связке ключ, она промолвила рассеянно:

– По-моему, частных пока что нет. По крайней мере, я о них не слышала...

Мария еще с полминуты перебирала ключи, потом нашла

тот, что искала, и открыв дверь, пропустила толстяка вперед.

– Вам нравится? – сделав паузу, спросила она.

Вместо ответа клиент наклонился, взял ее руку и прильнул к ладони пухлыми губами. Мария не противилась. Соблюдая правила приличия, он через несколько секунд выпрямился.

– Несравненная Мария Сергеевна! – с пафосом заговорил толстяк. – Позвольте пригласить вас на ужин сегодня вечером.

Мария скромно улыбнулась и отрицательно покачала головой:

– Я думаю, не получится. Дел много, да и не пристало мне, замужней женщине, по вечерам с клиентами...

– Пожалуйста, Мария, не откажите, – с мольбой попросил клиент и неожиданно упал на колени.

– Что вы делаете?! – воскликнула Мария. – Встаньте!

– Не встану, Мария Сергеевна, пока не получу согласия.

Прошу вас...

Мария помолчала, потом, будто пересилив саму себя, сдалась:

– Ладно, так и быть. Ненадолго. В восемь часов вечера я буду прогуливаться по набережной.

Ресторан «Орлиное гнездо» наполовину был пуст. Отдыхающие, в основном парами, заняв столики в слабо освещенных местах, лениво переговаривались. Некоторые из них целовались. Оркестр тихо, ненавязчиво играл блюз. Вышко-

ленные официанты бесшумно двигались по глянцевому паркетному полу, держа в вытянутых руках подносы с закуской и выпивкой.

Мария Сергеевна с толстяком вошли в тот момент, когда оркестр взял последнюю, самую высокую ноту, оглушительно взвизгнул саксофон, и музыка резко оборвалась. Метрдотель вежливо встретил и проводил их к свободному столику у стены...

– Что желаете выпить? – усевшись вслед за Марией Сергеевной, спросил толстяк.

– Мне, пожалуйста, красного сухого вина, – ответила Мария.

– А я, с вашего позволения, водочки, и непременно с соленым огурчиком.

Мария Сергеевна поощрительно кивнула и посмотрела ему в лицо пронизательными глазами:

– Может, вы наконец скажете мне свое имя?

– О да, Мария Сергеевна, извините. Почему я об этом раньше не подумал? Антоном Валерьевичем меня зовут. Для вас – просто Антон.

– В таком случае я просто Маша, – рассмеялась Мария.

Довольные состоявшимся знакомством, они мило заулыбались друг другу. В это время подошедший официант вежливо напомнил про заказ, и Антон Валерьевич, спрятав улыбку, вопросительно посмотрел на Марию.

– Нет-нет, – жестикулируя сказала она. – Закуска, Антон,

на ваше усмотрение.

Открыв меню, толстяк со знанием дела с ходу назвал наименование спиртного, выбрал несколько горячих блюд и холодных закусок, не забыв при этом сказать про соленый огурец.

«Надо отдать ему должное, аппетит у него – будь здоров! Как у хорошего борова», – подумала Мария.

В ожидании заказа они, каждый думая о своем, молчали. Оркестр между тем заиграл опять, и на этот раз зал наполнился звуками умопомрачительного джаза. Некоторые из отдыхающих, не устояв, вышли потанцевать. Мария Сергеевна и Антон Валерьевич с интересом понаблюдали за ними, пока не вернулся официант. Он виртуозно налил в бокал вина, в рюмку – водки и, пожелав им хорошего отдыха, отошел.

– Ну, Маша, приступим?! – воскликнул Антон и азартно хлопнул ладонями.

Не став говорить тост, он пожелал Марии здоровья и, залпом выпив всю водку, захрустел соленым огурчиком. Мария, пригубив незнакомое чилийское вино, посмаковала его приятный вкус, после чего несколько раз глотнула.

– Что ж вы, Машенька, не интересуетесь, откуда я появился в вашем крае? И вообще, кто я? – спросил Антон Валерьевич, уже начав уплетать креветки.

– Я от природы не любопытная. Посчитаете нужным, расскажете о себе. А нет так нет, и так хорошо. Ведь наша встреча ни к чему не обязывает. Мне лично вполне хватает и того,

что вы приятный на внешность человек и собеседник хороший.

Антон Валерьевич, польщенный ее словами, улыбнулся. Затем положил вилку и, перестав жевать, таинственно произнес:

– За вашу скромность, Мария, я просто горю желанием рассказать все о себе...

Он приподнялся с кресла, повертел головой и, наклонившись над столом, громко шепнул:

– Я сбежал...

Что-то похожее на испуг метнулось в зеленых глазах Марии.

– Вы, Антон Валерьевич, меня интригуете, – сказала она.

Антон довольно расхохотался:

– Нет, уважаемая Машенька, вы меня неправильно поняли. Я сбежал от родных, от знакомых. От презентаций, деловых встреч и прочих конференций. Я, в конце концов, сбежал от собственной, слава богу процветающей, фирмы. Я очень устал, Машенька. Тайно купил билет на самолет и прилетел в ваш благодатный край.

– И правильно поступили. Когда-то и отдохнуть надо, – со смехом сказала Мария и подняла бокал. – Хороший отдых вам у нас гарантирован, лишь бы погода не подвела.

– Да черт с ней, с погодой. Я считаю, мне уже повезло. Встретить такую красавицу, как вы, – большая удача.

Мария выслушала комплимент спокойно, приняв как

должное, и продолжила начатый разговор:

– А все-таки почему вы, Антон, один прилетели? Такой видный мужчина – и без сопровождения любовницы?.. Даже не верится.

– Со своим самоваром в гости не ходят, Машенька, попытался отшутиться Антон Валерьевич. Но, взглянув на Марию и поняв, что она ждет от него ответа, он, посерьезнев, сказал: – Нет у меня женщины, которую можно было бы захватить с собой.

– Это отчего же, Антон? – откровенно удивилась Мария.

– А потому что фальшь осточертела. Пока еще не встретила такая, чтоб по-настоящему проявляла ко мне симпатию.

– Ну а жена? Что, ей вы тоже не симпатичны?

– С женой давно уже отношений не поддерживаем.

– Расстались?

– Нет. Под одной крышей живем, а словно чужие. Детей вырастили, а оставшись одни, по инерции, видимо, продолжаем сосуществовать вместе. Хотя и у нее, и у меня давно своя жизнь течет. Страшно, наверное, совсем в одиночестве остаться, вот и терпим друг друга.

Антон Валерьевич, помрачнев, замолк. Мария подлила ему водки, себе вина:

– Выпьем?!

– С удовольствием, Машенька, – с грустью сказал Антон Валерьевич. Но в ту же минуту лицо его преобразилось

и снова стало улыбочивым...

Застолье продолжалось, хотя время ушло далеко за полночь. Толстяк подвинул свое кресло поближе к Марии, и его рука, будто невзначай, затронула ее колено. Потом еще раз, и скоро надолго там задержалась. Она не спешила убирать его руку, наоборот, ей было приятно и она хотела, чтобы это продолжалось долго. Они много болтали, еще не раз выпивали, закусывали и танцевали...

«А вообще, он ничего. Классный мужик. Веселый и щедрый. Может, мне отпустить его с миром? – танцуя с толстяком медленный танец, думала она. – Вот раскручу его как следует, и пусть едет обратно на Урал. Таких мужиков, как он, мало. Антон – не то что мой слизняк Эдик...»

Антон Валерьевич обнял ее за плечи и привлек к себе:

– Этот вечер, Маша, обязательно должен иметь продолжение, – нежно прошептал он. – У вас есть предложения?

– Да. Есть предложение пойти к моей приятельнице. Она живет недалеко отсюда.

– Тогда давайте присядем и, как говорится, на посошок! Не возражаете, Машенька?

Маша рассмеялась:

– Я согласна, идемте. Но насколько я знаю, наши графины уже пусты.

– О-о-о, это мы сию минуту исправим, Машенька...

Они вернулись к своему столику, и Антон Валерьевич нетерпеливым жестом подозвал официанта, скучающего

в компании с коллегой у стойки бара.

– Водки и томатного сока, – коротко приказал он подскочившему парню в смокинге.

Мария замахала руками:

– Антоша, вы забыли, что я не пью водку.

– А жаль. Я очень хотел, чтоб ты попробовала один божественный напиток... Тогда, уважаемый, бокал вина, сто грамм водки, томатный сок и граненый стакан. Только непременно граненый – из прежних, советских времен.

Заказ принесли, и Антон Валерьевич налил половину стакана томатного сока, и туда же осторожно перелил водку.

– Вы чем-то хотите меня удивить, Антон? – любопытствовала Мария.

Антон торжественно поднял стакан:

– Этот напиток, Маша, называется «Кровавая Мери».

– Что... что вы сказали? – невольно поежилась Мария.

– «Кровавая Мери», – громко повторил Антон Валерьевич. – Между прочим, приятный напиток, Маша. Видишь, водка получается сверху. Пьешь ее, крепкую, а следом сок томатный катится, ублажает горло...

Антон с чувством, мелкими порциями, выпил напиток до дна. Мария глотнула вина, и они одновременно поднялись. Официант, подав счет, встал в ожидании у стола. Антон Валерьевич, вынув из кармана пачку стадолларовых купюр, отделил от нее часть и бросил на стол:

– Благодарю за хорошее обслуживание, – пьяно произнес

он и покачулся...

Они спустились по асфальтированной дорожке на набережную.

– Может, такси, Маша? – спросил Антон Валерьевич. Его уже порядком штормило, и без посторонней помощи он едва ли смог бы устоять на ногах.

– Нет, нет. Здесь недалеко. Вам, Антон, как раз прогулка не повредит. Сейчас свернем направо, пройдем через сквер, и мы почти на месте...

Удовлетворенный ответом, он послушно пошел, держась за ее талию.

У входа в сквер Маша в нерешительности остановилась.

– Скоро придем, Машенька?

– Скоро, Антоша, скоро...

Марию било мелкой дрожью. Перед глазами назойливо вставала та пачка иностранных банкнот, из которой толстяк рассчитался с официантом. Она пока медлила. Но скоро в ее душераздирающих сомнениях наступил перелом, и она быстро увлекла толстяка на пустынную дорожку приморского сквера, поросшую с обеих сторон густым кустарником. В глубине сквера им преградил путь вынырнувший из зарослей молодой акации высокий мужчина. Мария отпрянула от Антона, и в тот же миг сильный удар по затылку замертво свалил пьяного Антона Валерьевича на землю.

– Готов! – сообщил Эдуард, склонившись над ним. – Черепок, видать, слабый, с одного раза треснул.

– Тащи в кусты, – по-змеиному прошипела Мария.

Метрах в десяти от пешеходной дорожки Эдуард остановился и вытер носовым платком обильно капающий со лба пот:

– Ну и тяжел, – свистящим шепотом посетовал он.

Мария Сергеевна молчком кинулась обыскивать жертву. Деньги, ключи от номера, паспорт и использованный авиабилет сунула в свою сумочку:

– Все, Эдик. Давай, дальше работай!

– Что? – напрочь забыв от волнения следующие действия, спросил Эдуард.

– А вот что! – зло сказала Мария, схватив увесистый камень, тот, который уже использовал ее супруг, и несколько раз ударила им по лицу Антона.

Эдуард вырвал у нее из рук каменюку и с остервенением стал довершать начатое...

– Хватит, остынь, – через минуту остановила его Мария. – Помоги-ка теперь мне.

Вдвоем они быстро раздели труп догола, подтащили к обрывистому берегу и столкнули в разбушевавшееся море. Потом туда же швырнули окровавленный камень.

– Ветер с берега. Даже если всплывет, к утру далеко утащит, – промолвил Эдуард.

– Пока найдут – рыбы съедят, – продолжая его мысли, сказала Маша...

Прихватив окровавленную одежду толстяка с собой, они,

во избежание встреч со случайными прохожими, берегом моря пошли к оставленной Эдуардом в пустынном месте машине.

* * *

Остаток ночи Эдуард Николаевич не спал. Только забрезжил рассвет, он поднялся, с ненавистью поглядел на безмятежно спавшую Марию и торопливо оделся. На кухне, за чашкой крепкого кофе, задумался: «У кого я читал, что преступника тянет на место совершения преступления? Не помню. Весьма банально, но факт – меня тянет. Пойду на работу – надо в сквер заглянуть. Иначе сойду с ума...»

Из спальни послышался шорох. Эдуард застыл с поднятой чашкой в руке. Взглянул на часы: стрелки показывали начало седьмого.

«Не поднялась бы пока, стерва. Противно...»

Вдруг ему захотелось зареветь, нет, даже завывать. Он еле сдержался. Образовавшийся спазм сдавил горло, стало трудно дышать...

Мария Сергеевна вошла на кухню стремительно. Мгновенно поняв душевное состояние мужа, села напротив:

– Смотри, слизняк, я – баба, с меня спрос меньше. Ты убивал! Может, из ревности, откуда я знаю? А заодно и ограбил...

Эдуард бессильно простонал и скрежетнул зубами. Ма-

рия, сунув конфетку в рот, ушла в спальню. Он сидел не шелохнувшись около часа. Потом поднялся и пошел раньше времени в клинику.

Пройдя по скверу, Эдуард Николаевич тревоги не почувствовал. Людей по дорожке ходило много. Но они спешили на работу, и никто на бурые пятна крови внимания не обращал. Его потянуло дальше, к обрывистому берегу моря.

То, что он увидел на берегу, повергло его в ужас... На земле лежал труп убитого им толстяка, а рядом суетились четверо – двое из них были одеты в милицейскую форму. Эдик хотел повернуться к ним спиной, чтоб уйти, но резкий окрик заставил его остановиться:

– Гражданин! Если вас не затруднит, подойдите к нам, – сказал милиционер в лейтенантских погонах.

У Эдуарда чуть не подкосились ноги и лоб моментально покрылся испариной. Он сделал несколько неуверенных шагов и встал.

– Ближе, ближе, – с улыбкой попросил лейтенант.

Эдуард Николаевич, загребая пыль туфлями, приблизился. И лейтенант, указывая ему на труп, пояснил:

– Труп обнаружен в воде, на мели. Вероятно, прибило волной. Судмедэксперт проводит осмотр. Предлагаю вам поучаствовать в осмотре в качестве понятого. Согласны?

Эдуард промолчал...

– Да вы не волнуйтесь. Дело-то плевое, пустая формальность. А повесткой мы вас обеспечим, – видя его нерешитель-

тельность, сказал другой милиционер, в чине майора. Эдуард молча кивнул.

– Ну и отлично, – подытожил майор. – Сейчас следователь закончит протокол осмотра, подпишитесь под ним там, где вам скажут.

Осмотр, судя по всему, уже подходил к концу. Седовластый мужчина, стянув резиновые перчатки, обратился к сотрудникам:

– Смерть, товарищи, однозначно наступила в результате убийства. Удар был нанесен жертве сверху твердым предметом в теменную часть головы. Море не могло так отделать беднягу, хотя ночью и был шторм. Думаю, вскрытие подтвердит мое предварительное заключение...

«Судебно-медицинский эксперт, – подумал про седовластого Эдуард Николаевич. – А в гражданской одежде, который пишет, – наверно следователь».

Судмедэксперт попросил у лейтенанта закурить и, бросив еще один взгляд на тело убитого, отошел от него, встав рядом с Эдуардом Николаевичем. В это время майор задавал понятному вопросы, касающиеся его личности.

– Коллега? – доброжелательно улыбнулся судебный медик, услышав место работы Эдуарда Николаевича.

Эдуард помедлил с ответом:

– Не совсем. Я дело с живыми имею...

– Но ведь и я не всегда с трупами... Верно?

Эдуард Николаевич сглотнул слюну:

– Да, пожалуй что так.

Следователь позвал Эдуарда расписаться в протоколе, освободив его тем самым от дальнейших вопросов словоохотливого эксперта.

– Читайте и распишитесь вот здесь, – ткнул в последний листок протокола следователь.

Эдуард Николаевич начал было читать, но строки сливались, и он, вяло перелистнув страницы, расписался, где указали.

– Я могу идти? – тихо спросил он.

– Пожалуйста, – разрешил следователь и неожиданно посочувствовал: – Что-то вид у вас, Эдуард Николаевич, неважный. Приболели?

– Да... Немного. Кхе-кхе, – притворно кашлянул Эдуард и, неловко повернувшись, пошел, не выбирая дороги, к скверу. По мере удаления от моря шаги его все ускорялись и, наконец, скрывшись от чужих глаз за высоким кустарником, он побежал...

* * *

Поздним вечером в одном из кабинетов уголовного розыска сидели двое местных оперов из убойного отдела и один прикомандированный к ним из милиции другого города. Старший опер Сизов, скрестив длинные ноги, сидел в кресле, прихлебывал, словно воду, из горлышка бутылки водку

и в дополнение нещадно дымил сигаретой. Сидевший напротив него опер Терентьев морщился. Настроение у всех троих было мрачное.

– Третий труп за два месяца, черт побери! И никакой зацепки, – зло сказал между глотками Сизов.

– М-да-а, – задумчиво проговорил Терентьев. – Почерк получается один и тот же. Разница лишь в том, что первого в море скинули, а следующих двух оставили на том месте, где «мочили». Похоже, мужики, серийный убийца в нашей местности орудует. Короче говоря, маньяк завелся.

Сизов поставил бутылку, смял окурочек в морской раковине, приспособленной под пепельницу, и процедил сквозь зубы:

– Попадет, зверюга, когда-нибудь. Все равно проколется на чем-нибудь, гад... Правильно я говорю, Юрка?

Вопрос был к прикомандированному. Он, не отрывая глаз от оперативного дела, которое изучал весь день с самого утра, высказал свою точку зрения:

– В чем-то ты прав. Но ждать, по-моему, не стоит, когда мокрушник сам проколется. Он может затаиться, и что тогда? Нет, надо искать его поактивнее, и возможно, тогда он начнет метаться и чем-нибудь себя выдаст.

Сизову Юркины слова не понравились, и он еще больше насупился:

– Ты читай, читай, Юрок, до конца. Тебя же на помощь прислали, вот и придумывай версии. Мы до тебя тут не один

десяток раз весь город лопатили. Теперь ты поработай. Умничать каждый может.

Юра обиделся:

– А я и читаю. Уже вторые сутки читаю. Башка трещит, желудок бунтует. Пожрать бы лучше сообразили командировочному.

Сизов устало отмахнулся. Снова взял бутылку и, глотнув, протянул водку Терентьеву. Но тот отказался:

– Не. Ты же знаешь, я без закуски не могу.

– Ну как хочешь, – обиделся Сизов.

Он еще несколько раз глотнул и, поставив бутылку, заговорил уже примирительно:

– И в самом деле, пожевать бы. Времени-то до хрена, а мы даже не пообедали. Давай-ка потряхнем карманами.

– Не густо, – сообщил Терентьев, пересчитав рубли и пятерки монетами. Набралось всего-навсего пятьдесят рублей. – Ладно, знакомая сегодня работает в ночь, одолжу кило колбасы и пару флаконов...

Прошло минут пять после ухода Терентьева в магазин, и Юрка вдруг заорал:

– Есть же, блин, над чем работать! Есть!

Сизов резко повернулся к нему, едва не свалившись со стула:

– Чего орешь?! Явку с повинной, что ли, увидел?! Так их несколько было. Чуть перегнешь – и готово. «Вышку» отменили – страх поубавился. Теперь и «мокрое» не боятся гре-

сти на себя.

– Да нет же! Слушай сюда... Медведев Эдуард Николаевич, шестьдесят второго года рождения, раз, он же – два, он же – три...

Юра выложил перед Сизовым три ксерокопии протоколов осмотра места происшествия.

– Ну? – не понимая, к чему клонит прикомандированный коллега, буркнул Сизов.

– Что ну?! – разгорячившись, взорвался Юрий. – Все три раза этот козел Эдуард Николаевич понятым в осмотрах участвовал. Как это, по-твоему, могло получиться? «Мокрухи» в разных местах города, а он тут как тут, ранехонько... Да он раньше всех о них знал, потому как сам и «мочил».

– Постой-постой, – перебил Сизов. – А следователь?

– При чем здесь следователь? На каждый случай дежурные следователи другие выезжали. И наши опера, и судебные медики тоже другие. Согласись – всем ведь до феньки, кто у них за понятого будет...

Сизов перечитал все три протокола, подумал:

– Да, брат Юрок, в этом что-то есть. Ему же, козлу, вовсе не по пути. Если даже предположить, что он на работу шел. Шестая-то клиника вон где, совсем в противоположную сторону... Ну и голова у тебя, Юрок! Я ведь по десятку раз перебирал эти бумаги. А кто про понятых когда читает?.. Ну ты молодец, Юрка!

Старший опер от неожиданной радости потерял дар речи.

Он залпом допил остатки водки и закурил.

– Ноги надо срочно пускать за ним, – понизив голос, сказал Юрка.

– Да знаю я. Не учи отца... Если не он, так кто-нибудь из его окружения. Мы сейчас где-то очень близко.

Терентьев ворвался в кабинет радостно-возбужденный. Из пакета выложил две бутылки водки, колбасу, сыр, помидоры.

– Ну что, мужики, отужинаем?

Ему не ответили.

– Вы чего? По-серьезному схватились?

Сизов усмехнулся и потрепал Терентьева по плечу:

– Пока ты бегал, Юрка все убийства раскрыл.

– Ты меня за кого принимаешь, Сизый?

– Да нет, Тереха, кажется точно. Расскажи-ка ему, Юрок...

* * *

Старый лесопарк на восточной окраине города в этот поздний час был немногочислен. А ближе к полуночи, когда погаснут последние фонари и парк погрузится в темноту, редкий прохожий отважится рысью пробежать через него, срезая путь от автобусной остановки к жилому массиву, поскольку это место давно пользуется у горожан дурной славой: нет-нет, да и происходили здесь разные криминальные

случаи...

Эдуард Николаевич долго хоронился под ветвями дуба и с тревогой прислушивался к ночным звукам, желая заранее различить в них шаги идущих по дорожке людей – мужчины и женщины. Несколько часов томительного ожидания в состоянии психического напряжения неминуемо привели бы к срыву. Он уже был на грани. И неизвестно, что бы произошло в следующие минуты, если бы не обыкновенный лесной житель – еж. Шурша опавшей листвой, чихая и фыркая, ежик вплотную приблизился к его вытянутым ногам и замер, внимательно разглядывая неожиданное препятствие. Эдуард Николаевич на какое-то время отвлекся и даже немного поразмышлял на тему бытия, завидуя незапятнанной, счастливой ежовой жизни... Как раз в этот момент наконец раздались шаги, а потом он услышал приглушенный, до боли знакомый смех жены и вслед за ним оживленный мужской говор. Эдуард встал на ноги, переступил через свернувшегося клубком ежа и, подойдя к краю дорожки, приготовился к прыжку...

Он бросился на парочку, не дождавшись, пока они поравняются с ним, и мгновенно почувствовал, как цепкие и сильные руки обхватили его сзади. Затем кто-то сзади ударил его по ногам, он упал, и ему, лежащему на асфальтовой дорожке, в затылок уперлось что-то холодное.

– Не шевелись, гражданин Медведев, – прохрипел над ним голос. – Пристрелю...

Проездом

Поезд из далекой провинции пришел в Москву с опозданием на двадцать минут. Митяй с женой Антониной и двухлетней Анюткой, пока перебрались с Ярославского на Курский вокзал, увидели только хвост уходящего на юг скорого.

С досадой глядя на билеты, Митяй не сдержался и выругался, привлекая внимание стоящих на перроне граждан:

– Сервис, говорят, высокий на железной дороге! Етить твою мать!

– Язык прикуси, Митяй! Люди вокруг посторонние, – обрвала жена, отгаскивая в это время дочку от втопанной в асфальт оранжево-красной наклейки. Воспользовавшись остановкой, Анютка настойчиво пыталась отодрать ее пальцем.

Несколько минут Антонина с Митяем обдумывали сложившиеся обстоятельства, а потом, расстроенные, потащились к вокзалу. Шумно дыша разогретым на солнцепеке воздухом, Митяй нес большую коробку. Не дойдя метров десять до входа, он, обессиленный, остановился и, прислонившись к стене, старательно вытер ладони о мятый платок. К нему подошла жена и поставила рядом хоть и меньшую по объему, но равнозначно тяжелую для женских рук дорожную сумку. Дочка, заботливо что-то лепеча, оседлала ее.

– И зачем тащить столько жратвы за тысячи километров? – уныло глядя на груз, упрекнул супругу Митяй.

– Когда ты наконец поймешь, что для нас там никто ничего не припас, – испепеляя мужа глазами, вспылила Антонина. – На базаре в Керчи – три шкуры дерут. Ты хотя бы сестре поверь, если мне не веришь! Я позавчера с ней по телефону говорила.

Митяй с ненавистью посмотрел на перекрученные ручки. И упрямо возразил супруге:

– Черт с ними, с консервами. Пущай будут. А колбасу-то зачем поволокли? Завоняет, и выбросим в урну. Маета одна и бестолковщина получается...

Сплюнув, Митяй собрался с силами, оторвал ношу от раскаленного мягкого асфальта и, сделав последнюю короткую перебежку, открыв ногой одну за другой две двери, оказался в огромном, душном помещении вокзала. На Митяя тут же наскочил потный гражданин с чемоданом, назвал его быдлом и растворился в толпе. Следом за Митяем в кассовом зале появились Антонина с Аней. Супруги не сразу засекли свободное место где-нибудь у стены, и торча у входа, они то и дело уворачивались от наезжавших тележек носильщиков. На удачу Митяй скоро заметил, как от одной из колонн отделилась группа цыган. Заняв их место, они наконец смогли осмотреться и по привычке к суетливой жизни вокзала...

Передохнув, глава семейства отправился решать судьбу проездных билетов, и Антонина с тревогой стала ждать его возвращения. Анечка же, намаявшись на жаре, крепко уснула, примостившись на сумке. К счастью, ей не мешали ни

грубые выкрики носильщиков, ни гул пассажиров, ни оглушительный голос диктора, извещавшего каждые три минуты о прибытии и отправлении поездов.

Митяй появился в распахнутой рубашке. В одной руке у него были зажаты билеты, в другой – газированная вода.

– Ну как? Удачно? – нетерпеливо спросила Тоня.

– Нормально. По начальству вокзальному пришлось бегать. Не мы одни из-за опоздавшего поезда пострадали. Так что оформили... Завтра в это же время тронемся.

Митяй легко сорвал ядреными зубами пробку, жадно глотнул несколько раз и громко выразил удовлетворение:

– Хороша, зараза! Крепкая. В нос шибает. На-ко попробуй, Тонь. У нас нету такой воды.

Антонина не взяла протянутую бутылку. С каменным лицом, она не мигая смотрела на мужа.

– Что-то случилось, Тоня? Чего так уставилась? – забеспокоился Митяй.

Жена выразительно покрутила у виска пальцем:

– Ты, Митя, чему радуешься? Что же мы теперь, целые сутки возле столба торчать будем? Неужели больше поездов нет? Ты бы хоть расписание посмотрел!..

Митя побагровел и с размаху швырнул недопитую бутылку в стоящую неподалеку урну. Руки у него залезли в карманы, отыскивая курево, но, вспомнив, где он находится, Митяй их вынул и, присев на корточки, обхватил голову.

Антонина, поняв, что переборщила, примирительно до-

тронулась до его плеча и жалобно попросила:

– Местечко, Мить, для ночлега поискать надо. Самим можно хоть где перебиться, а Аня?..

Митяй взглянул на спящую дочь, и взгляд его потеплел.

– Я наверху видел комнату матери и ребенка. Надеюсь, для вас двоих место там всяко найдется.

– Сам-то как, Митя?

– Ты за меня не переживай, Тонь. Не пропаду. Бывал я на этом вокзале...

Антонина боязливо проводила глазами большую группу чумазых подростков и неряшливых женщин с грудными детьми в сопровождении бородатых мужиков.

– Страшно здесь, Мить. Ты видел, сколько тут попрошайек? Пока ты за билетами бегал, я чуть с ума не сошла от страха. Страсть какие наглючие. Так и норовят залезть в чужой карман. Всю мелочь им раздала, и все мало. А вонища от них – дышать невозможно. И ведь не забирают паразитов. Здешняя милиция ходит мимо их, отворачивается.

– Нельзя их трогать, Тоня, – серьезно пояснил Митяй. – Сейчас каждый может жить по своему усмотрению. Теперь не сажают в тюрьму бродяг и всякую прочую нечисть. Телевизор смотреть надо!

Антонина презрительно фыркнула и хотела поспорить, но ее слова забил грохот грузовой тележки, которую катил по залу пьяный амбал. А когда шум удалился, сказала уже о другом:

– На Красную площадь дорогу найдешь, Мить?

– А как же. Конечно найду. Я ж тебе говорил, что бывал там. Один раз классом ездили, а второй – сам. Пересадку однажды делал в Москве, времени много было до поезда, я и сгонял туда. Отсюда на метро недалеко будет. Не заплутаешь.

– Может, Митенька, съездим, посмотрим?

– А чего не поехать, поехали. Сумки сдадим в камеру хранения и налегке двинем.

– Да ты что, Мить, с луны свалился? Здесь ведь на каждом шагу воруют. Я наслушалась от людей про эти камеры хранения, никакого телевизора не надо. Нет, лучше уж без них обойдемся. Ходи по Москве и переживай за свое добро. Зачем нам такая прогулка?

Митяй долго думал и согласился:

– Правильно решила. Свистнут сумки, с кого потом спросишь? Мафия кругом. – Отдохнувший, он легко приподнял поклажу жены и взвесил в руке. – Только как мы все это попрём? Аню, потом как устанет, придется тащить на себе...

– За Анечку не переживай. Она поспала. Еще вперед нас побежит.

Митяй с сомнением хмыкнул. И поразмыслив, расставил все по местам:

– Ладно. Буди ее. Я возьму твою сумку, а мою коробку понесем вдвоем. Аню за руку поведешь. Только крепче, смотри, держи. Тут в случае чего человека искать труд-

нее, чем иголку в стогу сена. Я как-то одну жуть прочитал. Не дай бог...

Митяй пожалел, что заикнулся сейчас об этом. Антонина ухватилась за его последние слова, и от нее непросто было отделаться.

– Ну-ну, скажи мне, о чем это ты читал? Брехню, наверно, какую?

Митя нахмурился:

– Ты что-нибудь слыхала о трансплантации человеческих органов?

– Это каких таких органов? Сердце, почки, что ли? – насмешливо спросила Тоня.

– Да... И знаешь, что пишут в газете? Мол, если гут беспомощный человек потеряется, к примеру ребенок, то дело дрянь. Его уже никто не найдет. Заживо достают нужные органы, замораживают и продают за границу, а остальное – сжигают в крематории... И нет человека.

– Какой кошмар, – с ужасом прошептала Антонина. По выражению ее лица можно было понять, что она поверила и заколебалась.

– Ну, идем? Или на вокзале определяться будем? – потормошил ее Митяй.

– Пошли... – неуверенно сказала Тоня.

Пять минут ушло у них на то, чтобы поднять и разговорить дочь. Семья, связанная из-за поклажи непрерывной цепочкой, колонной потопала к метро. Митяй быстро сорие-

тировался, и они сразу выбрали нужное направление. Спуск был длинным. Митяй отдохнувшим сошел с эскалатора, держа дочь на руках. Сзади него раздался хлопок, пронзительный вскрик жены и поучительный радиоголос дежурной... Антонина лежала пластом в конце эскалатора, а в метре от нее торчала застрявшая каблуком в стальной ленте белая туфля. Митяй, опустив дочь, поспешил к жене.

– Каблук застрял. В щель попал, зараза, – чуть не плача проговорила она.

Коленки у Антонины были ободраны в кровь, но она, мужественно промокнув их платком, пошла.

Через несколько минут они уже тащились с багажом по брусчатке Красной площади к собору Василия Блаженного. У ворот Митяй, остановившись, кивнул на памятник:

– Знаешь это кто?

Антонина не ответила. Она словно замороженная смотрела на Спасскую башню, стены Кремля и Мавзолей. Усталости на ее лице как не бывало. Митяю пришлось самому ответить на свой вопрос:

– Это Минин с Пожарским. Они народ подняли против поляков...

Антонина рассмотрела со всех сторон памятник и, повернувшись лицом к площади, показала рукой на круглое небольшое сооружение справа:

– А там что, Митя?

Митяй не нашелся что ответить, и возникла пауза...

– Здесь, наверно, царь казни устраивал, – неуверенно сказал он через минуту. – Заведут наверх приговоренного, зачитают указ и рубанут башку...

Стоявший возле них солидный мужчина в бейсболке и замысловатых шортах со шнурками и кнопками заметил небрежно:

– Лобное место, молодой человек, не для казней было предназначено. Если тут и казнили кого, то очень немногих. Их по пальцам можно пересчитать...

Митяй, покосившись на знатока, отвел своих подальше. Он рассказал Антонине про Мавзолей, и на том его скудные познания про Красную площадь закончились.

– Ну как тебе, Тоня, площадь понравилась? – спросил он.

– Ты знаешь, Мить... Здесь очень красиво. Впечатляет. Но у меня такое ощущение, будто я уже бывала тут не раз.

– Так то из-за телика, Тонь. Каждый день мелькает картина Красной площади, и у тебя наверняка в памяти отложилось.

Антонина согласно кивнула. Они постояли еще немного, подозвали Анютку, рассматривающую экскурсионную группу чернокожих иностранцев, и отправились на вокзал.

Вечером, оставив жену с дочерью и багаж в комнате матери и ребенка, Митяй налегке пошел за хлебом. Открыв дверь первого на пути продовольственного магазина, он свернул к хлебному отделу и, взяв понравившуюся булку, пристроился в хвост небольшой очереди. В магазине было тихо: ни

разговоров, ни суеты. Затем все произошло настолько быстро и неожиданно, что Митяй понял случившееся, когда какой-то тип в черной маске уже убегал из магазина. А продавщица, уткнувшись в кассовый аппарат, тряслась и беззвучно плакала.

– Милиция! Милиция! В милицию кто-нибудь сообщите! – запоздало крикнул покупатель из очереди. Ему вторил другой, и возмущенные голоса загудели со всех сторон:

– Нет порядка в стране! Грабят среди бела дня! Распоясались жулье!

– Со времен Петра не везет России на царей. В трясиину идем с нынешними правителями...

– Раньше Политбюро с ЦК грабило, а теперь все кому не лень!

– Да где же милиция, в конце концов?! Это форменное безобразие, товарищи. Убивают, разбойничают на каждом шагу, а им – хоть бы хны. Днем с огнем не найдешь!..

Милиция появилась через четыре минуты, и народ гурьбой повалил на улицу...

В позднее время вокзальная жизнь поутихла. Митяй, отыскав местечко, поел колбасы, запил «фантой» и, поручив соседу присмотреть за креслом, отправился покурить.

Беженцы разных национальностей и просто блуждающий по стране народ деловито готовились ко сну. Давно не мытые ребяташки и женщины стелили тряпки вдоль стен на заплыванный пол... После полуночи большинство из них угомо-

нились. Хождение меж рядов прекратилось, и кассовый зал опустел. Митяй, убаюканный ровным храпом соседа, задремал, опустив на грудь вихрастую голову. И так проспал бы он до утра, если б глубокой ночью его не разбудили шумные голоса и грохот разбитой бутылки. С верхнего зала ожидания, как с бельэтажа театра, хорошо просматривался нижний зал, где начиналась ссора, по своему накалу похожая на разборку. Двое молодых битюков, размахивая кулаками, наступали на невысокого мужчину. Удар одного из нападавших пришелся в челюсть бедняги. Мужчина упал на спину и по инерции протасился по склизкому полу. Его вскользь зацепил ботинком по голове второй. И молодые, натренированные ноги битюков стали с яростью наносить сокрушительные удары по распластанному телу. Митяй, в замешательстве озираясь, поднялся с кресла. Стражей порядка он не увидел. Заметил только несколько полураскрытых глаз соседствующих с ним граждан, которые, напоровшись на его взгляд, боязливо захлопывались отяжелевшими сонными веками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.